

Иллюстрация: Анастасия Пожидаева для ОВД-Инфо

09.02.2019, 16:52 **Вся Россия**

СТАТЬИ

Почтовая служба. Кто пишет политзаключенным в тюрьмы, о чем и почему

Никита Канунников — последний из могикан некогда бурного проекта «Росузник». Вот уже шесть лет он практически один тащит инициативу, с помощью которой легко и удобно писать письма заключенным через интернет. Этот текст о нем и других людях, которые пишут в места заключения.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

СВОБОДУ УЗНИКАМ ШЕСТОГО МАЯ

В декабре 2011-го Никита Канунников, как и многие, заразился энтузиазмом и начал ходить на митинги. Раньше он ни в чем подобном не участвовал, но сочувствовал участникам Маршей несогласных и «Стратегии 31». Потом начались аресты по «Болотному делу». К первым из них мало кто отнесся серьезно, обыск у Собчак казался штукой поважнее. Никита думал, что задержанных скоро выпустят. Но настала середина лета 2012-го, арестованных становилось все больше, суды подтверждали правомерность арестов, а Следственный комитет раскручивал обвинение.

— Я понял, что, наверное, это самое важное, что происходит в стране, — вспоминает Никита. — Я тоже был на том митинге. Арестовали людей, которые были рядом со мной. Тогда я вышел на свой первый одиночный пикет к Следственному комитету, это было довольно смешно. Суббота — ну, а в какой день я еще мог выйти, если не в рабочее время. Не было ни одного человека, никого. Пустая улица, и я один с плакатом: «Партию жуликов и воров за решетку. Свободу узникам шестого мая!»

После акции в поддержку обвиняемых по «Болотному делу» 26 июля активисты стали устраивать еженедельные пикеты у башни СК в Техническом переулке. 23 августа Канунникова там впервые в жизни задержали. Мировая судья — тогда административные протоколы по статьям, связанным с митингами, рассматривали мировые судьи — выписала Никите штраф в 15 тысяч рублей. Позже судья Басманного суда Ирина Скуридина отклонила апелляцию на это решение. Свидетельствовать в защиту Никиты в суд приходил физик Сергей Кривов, который тоже участвовал в пикетах у Следственного комитета. Правда, судья не прислушалась к его доводам. Спустя неделю Кривова задержали по «Болотному делу», а 19 октября та же самая

судья Скуридина отправила его в СИЗО по обвинению в участии в массовых беспорядках.

Никита почувствовал, что «Болотное дело» совсем близко, и стал помогать свеже созданному **«Комитету 6 мая»**.

Но быстро понял, что его деятельность не приносит особой пользы. В феврале 2013-го он увидел объявление о поиске волонтера для проекта «Росузник» и откликнулся на него. Так началась история, с которой он живет уже шесть лет.

НАЧАЛО

Идея проекта «Росузник» родилась в голове Алексея Навального, когда он находился в камере спецприемника в декабре 2011 года. Название придумал его соратник и сокамерник Сергей Власов там же.

«Росузник» должен был заниматься помощью участникам митингов в административных делах. В начале 2012-го запустили сайт, где публиковали информацию о задержаниях активистов и неправомерных действиях полиции, начали искать юристов и собирать пожертвования на их работу. Но уже в мае началось «Болотное дело». «Росузник» нашел адвоката **Александре Духаниной**, объявил сбор средств на передачи в СИЗО и на помощь родственникам других политзаключенных. После новогодней акции в Лермонтовском сквере по отправке открыток для «болотников» решили открыть почтовую службу.

Придя в «Росузник», Никита стал перепечатывать письма, приходившие из тюрем. Потом к этому добавилась обязанность публиковать переписку на сайте. Работа требовала аккуратности. Время от времени нужно было делать что-то еще — например, отправлять адвокатские запросы по всем понятиям, которые есть в «Болотном

деле», чтобы проверить, существуют ли эти люди в реальности.

Канунникову нравилась рутинная работа, но постепенно его круг обязанностей расширялся из-за того, что люди уходили из проекта. Многим было сложно совмещать основную работу с волонтерством в «Росузнике». Никита стал делать отчеты об отправленных письмах и деньгах, ему передали под контроль «Яндекс-кошелек», куда поступали пожертвования на работу почтовой службы. Со временем на плечи Канунникова легла работа с социальными сетями, контакты с медийными личностями для пиара и вообще организация всего процесса.

17 декабря 2014 года на сайте «Росузника» появилось официальное заявление о закрытии проекта:

Болотное дело завершено, надеемся, что новых арестов не будет. Административные задержания на массовых акциях практически не происходят по причине как отсутствия массовых акций, так и по отсутствию желания задерживаться у подавляющего большинства потенциальных участников. Поставленные перед проектом в 2012 году задачи выполнены в меру наших сил и умений. На сегодняшний день на адвокатском счете аккумулировано 134 тысячи рублей. Поступления в ноябре составили 45 тысяч рублей, в декабре пока идем по графику ноября. Планы по расходованию денежных средств таковы: в январе, феврале, марте и апреле выплатим по 75 000 рублей родственникам десяти осужденных к лишению свободы по «Болотному делу» для осуществления передач в колонии, в мае передадим им остаток средств...

По словам Сергея Власова, «Росузник» закрылся, потому что потерял прежнюю актуальность. После ужесточения закона о митингах задержанным стали давать большие штрафы, при этом дела рассматривались исключительно в обвинительном ключе. Тратиться на адвокатов в административных делах стало нецелесообразно, а уголовными профессионально занялась «Агора». Функции сбора денег окончательно перешли «Комитету 6 мая» и «Союзу солидарности с политзаключенными».

Письмо Олега Навального (имя адресата скрыто)

КАК РАБОТАЕТ ПОЧТА «РОСУЗНИКА»

Во времена «Болотного дела» «Росузник» был живым и значимым проектом с новостной лентой о судах и постоянным сбором средств на адвокатов. Люди заходили на сайт, видели окошко почты — и писали письма. Сейчас от «Росузника» осталась только почтовая служба.

Как это работает? Человек заходит на **сайт**, вводит свой e-mail и имя, пишет в окне письмо, жмет кнопку «отправить». Письмо падает на электронную почту, привязанную к сайту. Никита смотрит, кому нужно отправить письмо. Узнает, где находится адресат, проверяет, работает ли там один из сервисов отправки электронных писем в места заключения — «ФСИН-Письмо» или «Родная связь». И если да, то переносит письмо в форму на сайте сервиса.

— Раньше это было автоматизировано, — рассказывает Канунников. — Я написал программу на Python, просто запускал ее, и она сама заполняла форму «ФСИН-Письма». Я только просматривал, правильно ли все заполнено, и отправлял. Полностью это все равно не автоматизировать. Бывает, что человек отправил два одинаковых письма или, например, не дописал письмо,

нажал кнопку, а потом дописал продолжение. Иногда что-то неадекватное пишут: «Сенцов — террорист», «Американские подстилки». Но такого всегда было мало, я даже удивлен, на самом деле. Еще бывает, приходят письма, адресованные сразу в несколько инстанций: «Росузнику», Мировому уголовному суду и тому подобное. Человек пишет о своих личных проблемах, об увольнении с работы, например. Чаще всего они адресуются первому человеку у нас в списке, раньше это был Сергей Мохнаткин, теперь — Сенцов.

Сейчас программой Никита не пользуется — каждый день после работы делает все вручную. Если куда-то через «ФСИН-Письмо» или «Родную связь» письмо послать нельзя, он распечатывает текст на принтере и отправляет обычной почтой. Поток электронных писем мощнее, потому что они быстрее доходят до адресатов. Бумажные могут идти месяц в одну сторону.

Ответы от заключенных с сайта «ФСИН-письма» также приходят на почту. На этом этапе Никита снова просматривает письма. Необходимо понять, кому именно надо переслать ответ. Заключенным, которые пишут часто и много, Никита заранее отсылает пустые письма с бланками ответа, чтобы у них был запас. Один лист письма и один чистый лист для ответа у «ФСИН-письма» стоит 110 рублей, у «Родной связи» — 100 рублей. Для писем, отправляемых по «Родной связи», Канунников ведет табличку. Этот сервис не такой удобный, как «ФСИН-Письмо». Письма не приходят на почту, за ними нужно идти на сайт «Родной связи». В таблице Никита сохраняет номер письма и электронный адрес отправителя, чтобы ответы не перепутались.

Чтобы отправить письмо через сервисы самостоятельно, необходимо знать адрес колонии, год рождения и полное имя заключенного. Через «Росузник» это делать удобнее, потому что эту работу за вас сделает Никита. Он говорит,

что сейчас пишут мало, поэтому траты на письма не превышают десяти тысяч рублей. За первые полгода 2018 года «Росузник» отправил 214 писем через «ФСИН-письмо» и 29 писем через «Родную связь». Обычно Никита отправляет не больше пяти писем за день, бывают дни, когда отправлять нечего. В прошлом году активисты собрали для «Росузника» 60 тысяч рублей, и сейчас этих денег хватает, поэтому, даже когда спрашивают реквизиты, Канунников предлагает перевести деньги правозащите «Открытой России», ОВД-Инфо или «Союзу солидарности с политзаключенными». Бывало и так, что Никита тратил свои деньги для поддержки проекта, когда пожертвований не было или не хватало.

В разное время с почтовой службой сотрудничали разные активисты и активистки. Сейчас у Канунникова только одна помощница — это Яна Гончарова, которая пришла в «Росузник» в 2015 году. Яна ведет страницу проекта в фейсбуке и контактирует с родственниками украинских политзаключенных, находящихся в России. Иногда через нее Никите передают денег для того, чтобы он положил их на чей-нибудь личный счет в колонии или СИЗО.

СКАЗКИ ДЛЯ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

У Елены Эфрос есть синяя «Папка для бумаг» с ответами от людей за решеткой. Папка толщиной в 18 сантиметров, но Елена говорит, что если распечатать электронные письма, то получится все 30. Кроме того, ответы от Сергея Мохнаткина, который способен написать письмо и на 18 страницах, подшиты в отдельную папку. Эфрос — создательница петербургского проекта «Сказки для политзаключенных».

«Сказки» появились в конце 2015 года. По замыслу Елены, проект должен был наладить связь политических заключенных с внешним миром. Написать незнакомому человеку сложно, а предложить прислать сказку, рассказ

или какой-то другой интересный текст — это хороший повод для знакомства.

— Сейчас мы уже редко посылаем сказки, — рассказывает Елена. — Сначала мы спрашиваем, что заключенного интересует, а потом подбираем тексты. Авторов у нас много, и не только в России — в Германии, Австралии, Швейцарии и Украине. Они присылают нам свои статьи и очерки, мы их посылаем заключенным. А когда переписка завязалась, уже проще. Можно просто общаться, не обязательно вкладывать какой-то отдельный текст.

У участников проекта есть таблица в google-документах, в которой они ведут учет отосланных заключенным материалов, времени отправки, и где хранятся адреса и дни рождения арестантов. В списке, кому «Сказки» посылают тексты, сейчас порядка 150 имен. Первые письма рассылались с помощью почты «Росузника».

Среди волонтерок проекта много родственниц политзаключенных. Они переписываются и с другими заключенными, помогают друг другу материально. Активных участниц около десяти, и свободных рук, по словам Эфрос, не хватает. При этом зачастую женщины, чьи мужчины освобождаются, отходят от проекта: появляется много других забот.

— Работаю таким мини-росузником, — рассказывает Эфрос. — Электронное письмо стоит 110 рублей. Если таких адресатов несколько десятков, то можно разориться. Если отправляешь бумажное письмо, нужно положить один конверт внутрь для ответа. А лучше больше. Марки нужно положить. А если у человека родственники за пределами России, то и марок нужно больше. Мы пишем людям разных политических взглядов. Для меня он в первую очередь политзаключенный. Когда он выйдет, мы можем с ним поспорить на тему его

взглядов. Пока он там сидит, он нуждается в поддержке. Если он не убил, конечно, никого из-за своих взглядов.

Авторами «Сказок» могут быть не только волонтеры, но и сами заключенные. Эфрос приводит в пример «бестселлер» фигуранта «Болотного дела» **Дмитрия Бученкова** «Новые приключения поросенка Фунтика». Это памфлет по мотивам известного мультфильма, в котором Бученков высмеивает российскую судебную систему. По словам Эфрос, произведение было очень популярно у других заключенных.

Волонтер «Сказок для политзаключенных» Ирина начала писать письма в тюрьму после того, как посадили ее знакомого — Ильдара Дадина. Она писала ему, но он не отвечал, так как у него не было ни бумаги, ни конвертов, а она не знала об этом. Эфрос предложила Ирине написать пока кому-нибудь еще. Та и написала фигурантам **дела АБТО, Илье Романову, Алексею Сутуге, Борису Стомахину**. Боясь указывать обратный адрес, Ирина писала на письме «до востребования» и каждый раз приходила на почту забирать ответы из тюрем.

— Там на почте был мальчишка такой, Николай. Три года он мне выдавал письма в третьем или четвертом окне. Улыбался и говорил: «Меня это не коснется». Осенью 2017 года к его родителям в Калужской области пришли полицейские и сказали: «Ваш сын взял кредит, надо проверить». Коля приехал, как правильный, пошел в отделение. Его схватили, затолкали в машину четыре человека-фсбшника. Забрали планшет, телефон. Начали составлять документы. Привезли в Калугу. Он со страху все подписал. Потом его внесли в список экстремистов и террористов. Ему пришлось уйти с той почты в центре Москвы, в которой он работал, теперь он работает в другом отделении и ездит получать зарплату в кассу. Все карты у него заблокированы. При этом год уже прошел, как

его осудили, дали два года условно. Статья 282 часть 1, там какой-то репост с черно-желтым флагом был.

Письмо Виктора Филинкова (имя адресата скрыто)

КОМУ ПИШЕТ «РОСУЗНИК»

По словам Никиты Канунникова, в «Росузнике» четких правил, кого добавлять в список, а кого — нет, до сих пор не появилось. Можно опираться на список политзаключенных Правозащитного центра «Мемориал», но он, по мнению Никиты, узок. «Сама идея писем чуть шире. Необязательно человек должен соответствовать всем критериям политзаключенного, чтобы его можно было поддерживать. Если человек политзаключенный на 80 процентов, а не на все 100, что делать? К примеру, Сергей Мохнаткин. По второму делу „Мемориал“ его так и не признал политзаключенным. Но мы письма ему посылали», — рассуждает Канунников.

В 2013–15 годах Никита активно переписывался со многими заключенными — с Александром Кольченко, Олегом Сенцовым, Надеждой Савченко. С украинкой у Канунникова неожиданно сложилась постоянная переписка — как оказалось, они оба любят природу. «Иногда кажется: этому человеку писать не буду, у нас совсем разные взгляды, разный жизненный опыт, не получится... а часто случается совсем наоборот», — рассказывает Канунников. Сейчас Никита пишет намного меньше.

— Люди, наверное, вообще не должны находиться в тюрьме, никто, — считает Никита. — Раньше я об этом не задумывался. Сейчас у меня максима такая: отменить 282 статью УК, разрушить тюрьмы. К этому нужно стремиться, по крайней мере. Мне проще отвергать тюрьму и 282-ю, чем тонко проводить границу, за переход

которой нужно сажать в тюрьмы и кого преследовать за слова.

Но **Максима Марцинкевича** в списке адресатов «Росузника» нет. Несмотря на то, что формально многие обвинения против Марцинкевича — обвинения за слова. Никита не любит нацистов, хотя и признает, что «Тесак» во многом осужден неправосудно. Нельзя написать с сайта «Росузника» ни Борису Стомахину, ни, к примеру, «Приморским партизанам».

Как-то Никита решил поздравить с Новым годом россиян Александра Александрова и Евгения Ерофеева, которые содержались в киевском СИЗО по обвинениям в войне против Украины. По его логике, граждане России должны чувствовать ответственность за кадровых российских военных. Канунников написал коротенькие поздравления и отправил в Киев, но письма вернулись — вскрытые и скрепленные заново степлером, с штампом на украинском «Адреса не вірний». По какую сторону границы письма вскрыли, Никита так и не узнал.

Время от времени на страницах «Росузника» в соцсетях появляется информация о украинских солдатах Максиме Одинцове и Александре Баранове, принявших российскую присягу и за это осужденных в Украине на 13 и 14 лет за измену родине. Канунников считает, что, будь в России нормальное государство, эта тема была бы темой номер один в СМИ и политике. При этом Никита принципиально не ездит в Крым и не представляет себя участником проекта, рассылающего письма россиянам, попавшим в плен в Украине. Он не чувствует с этими людьми эмоциональной связи. И посты о них он пишет лично от себя, отделяя свои представления от того, чем должен руководствоваться волонтер «Росузника».

— Когда-то я считал себя анархистом. Потом я переосознал себя как республиканца. Прудона спросили: «Вы республиканец?» Он ответил: «Любой человек —

республиканец. А я не просто республиканец, я анархист». Я инверсию сделал от этого — не обязательно быть анархистом, достаточно быть республиканцем, и это уже очень многое. Хотя к анархизму и анархистам отношусь, наверное, к симпатией. Но в США республиканцы мне всегда нравились больше, чем демократы.

УНИВЕРСИТЕТ

Из «Сказок для политзаключенных» Елены Эфрос родилась еще одна подобная инициатива — «Университет для политзаключенного». Мать антифашиста Алексея Сутуги Ольга, пообщавшись с Еленой Эфрос, придумала посылать заключенным материалы для обучения тем или иным предметам. Стала искать преподавателей и уговаривала их учить по переписке. Параллельно у политзеков выясняла, чему они хотели бы учиться. Добрые люди пожертвовали два принтера, на которых «Университет» стал печатать лекции и задания для учеников.

Кто-то из заключенных отказывался, потому что боялся, что затея не понравится администрации колонии. Преподаватели находились, начинали работать, но каждый раз этому противился ФСИН. Письма не доходили — то в одну сторону, то в другую. Во многих колониях письма вообще не пускали, где-то пускали через одно.

— Времени это занимало безумно много, — рассказывает Ольга. — Каждый день приходишь с работы и начинаешь смотреть, кто написал, готовить лекции, договариваться с кем-то. Два-три часа каждый день, без выходных. У меня тяжелое положение было. Леша болел после выхода из тюрьмы, нормально работать не мог. Мне пришлось зарабатывать много денег. И времени перестало хватать. Да и результата какого-то не было. С системой бороться может не каждый. Нужен человек, который будет заставлять, организовывать, мотивировать. Я не лидер,

я за собой не поведу. Думаю, нужно начинать работать именно с системой. Заручаться поддержкой ФСИН, договариваться с ними. Без разрешения это не пройдет — бесполезно.

Дмитрию Бученкову «Университет» посылал исторические книги и статьи для научной работы, которую Бученков писал, находясь в Бутырке. Ольга рассказывает, что специально покупала бумагу тоньше и легче, чтобы больше листов влезло в стандартное письмо. Влезало по 9–10 листов, в сумме одна книга могла вместиться в 5–7 писем. Фигурантов дела АБТО преподаватель математики пытался готовить к сдаче ЕГЭ — некоторые из них на момент ареста еще не закончили школу. Но из-за противодействия ФСИН подготовка сорвалась.

В 2017 году «Университет для политзека» заглох. У Ольги не хватало времени, и никого в подмогу так и не нашлось. Сегодня Сутуга считает, что «ломиться напролом», как она делала тогда, не стоило. Ольга надеется, что когда-нибудь появятся люди, которым она сможет передать накопленный за три года опыт, но сама возвращаться к «Университету» не планирует.

ПЕРЕПИСКА ЗАПРЕЩЕНА

Никита Канунников работает в компании, занимающейся разработкой средств автоматизации в энергетике и промышленности, создает системы реального времени. Это алгоритмы, в которых ответ на сигнал должен прийти через точно определенное время. К сожалению, доставка писем с помощью электронных сервисов и «Почты России» редко укладывается в точно определенные сроки.

— Я не люблю теорию малых дел, потому что она аполитичная. А я считаю свою деятельность, в том числе, политической, — рассуждает Канунников. — Она направлена в обе стороны, не только на поддержку

политзаключенных, но и на изменение общества. Удобная возможность написать письмо и получить ответ позволяет человеку сделать это легко. Если не было бы «Росузника», человеку нужно было бы идти получать конверт, потом нести его на почту... Я бы это сделал, но отложу на завтра, в итоге не сделаю совсем. Человек на этом споткнется. А тут можно написать с сайта, это снимает первую преграду. Человек пишет письмо, получает ответ и по-другому начинает смотреть на сухие цифры списка политзаключенных.

Петр Павленский, находясь в парижской тюрьме за поджог двери «Банка Франции», написал письмо фигуранту дела АБТО Ивану Асташину, который сидит в Норильске. Павленский передал письмо адвокату, адвокат переслал его Никите, чтобы тот, в свою очередь, отправил послание Асташину. Письмо вернулось обратно с пометкой цензора: «Не может быть вручено, потому что переписка между заключенными запрещена». На это Никита с долей иронии замечает: «Вся наша планета в каком-то смысле тюрьма».

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

16.07.2025 [Вся Россия](#)

Основательница проекта «Сказки для политзаключенных» объявила о его закрытии

